

Шан Сижуй услышал предложение и сразу заупрямился, отказавшись, чего Чэн Фэнтай, собственно, и ожидал. Юй Цин, пережив унижение, на следующий день никого не предупредив, не забрав оплату за два спектакля, оставила Шан Сижую письмо и отправилась в Шанхай. Шан Сижуй планировал в будущем выступить с ней в «Пионовой беседке», «Повести о нефритовой шпильке», в пекинской опере «Городок Мэйлун» и «Четвёртый сын навещает мать». Теперь все эти планы рухнули. Внезапно потеряв хорошего партнёра и друга, как мог Шан Сижуй не затаить обиду?

Чэн Фэнтай застегнул ему оставшиеся две пуговицы и с улыбкой произнёс:

— Господин Шан, вы же человек, повидавший мир, неужели не можете проявить снисходительность? Не будьте капризным.

Шан Сижуй с обидой в голосе ответил:

— Ладно! Пусть он выйдет на сцену и споёт со мной пару номеров. Если справится, я его прощу.

Чэн Фэнтай поправил волосы на лбу Шан Сижую и подшутил:

— Твой тон неплох. Если заменить «спеть пару номеров» на «переспать пару раз», то ты прямо как тот злодей, что пристаёт к молодой девушке.

Шан Сижуй бросил на него недовольный взгляд. Чэн Фэнтай продолжил с улыбкой:

— Думаю, Юань Сяоди скорее согласится переспать с тобой, чем петь. Разве ты не видишь, что у него на уме? Называть его лицедеём — всё равно что оскорблять.

Шан Сижуй нахмурился и махнул рукой:

— Тогда зачем он вообще со мной сближался и извинялся?

— Господин Шан, вы же звезда сцены, общаетесь с множеством влиятельных людей. Кто же захочет вас обижать? Боятся, как бы вы не подстроили что-нибудь, — Чэн Фэнтай похлопал его по спине. — Или, может, это ради меня. Он знает, что мы... Ну, знаешь, «бей собаку, но смотри, кто хозяин».

— Сам ты собака! Ты паршивый пёс! — с ненавистью выкрикнул Шан Сижуй. — Пойду сейчас и прикончу Юань Сяоди!

Однако, несмотря на такие громкие заявления, когда они действительно оказались в ресторане, Шан Сижуй вёл себя тихо и смиренно, словно ангел. Только вид у него был неважный, и в его глазах читалось: «Верни мне Юй Цин!»

Чэн Фэнтай похлопал его по спине и шепнул на ухо:

— Ну что, пойдёшь прикончишь его?

Шан Сижуй бросил на него косой взгляд, но молчал.

Юань Сяоди, конечно, почувствовал отношение Шан Сижуй, но всё же тепло приветствовал их, усадил и начал угощать. Шан Сижуй молчал, и весь разговор вёл Чэн Фэнтай.

Юань Сяоди первым поднял бокал и обратился к Шан Сижую:

— Виноват я, что не смог удержать порядок в доме. Не только опозорил себя, но и доставил вам столько хлопот. Прошу прощения.

Шан Сижуй холодно поднял бокал, чокнулся с ним и сухо ответил:

— О.

В присутствии человека, которого он не уважал, Шан Сижуй не стеснялся и с аппетитом уплетал мясо, обливаясь жиром. Юань Сяоди и Чэн Фэнтай несколько раз замечали его за этим занятием, понимая, что он всё ещё злится. Юань Сяоди подумал, что он, видимо, пытается выместить злость на еде, и с улыбкой заказал ещё несколько дорогих деликатесов. Шан Сижуй всё съел, не оставив ни крошки. Юань Сяоди и не подозревал, что раньше Шан Сижуй просто притворялся вежливым, а сегодня ел как обычно.

Когда Шан Сижуй наелся до красноты ушей, расстегнул воротник и с лёгкой улыбкой на лице, Юань Сяоди решил, что это подходящий момент, и мягко спросил о местонахождении Юй Цин.

Шан Сижуй остановился с палочками в руках, и на его лице появилась грусть. Чэн Фэнтай с улыбкой взглянул на Юань Сяоди, понимая, что это и есть главная цель вечера.

— Юй Цин уехала, не попрощавшись, вероятно, на юг. Её избил ваши родственники, она вся в синяках, и неизвестно, добралась ли она благополучно. К тому же её лицо изуродовано, возможно, она больше не сможет петь.

Шан Сижуй преувеличивал, но делал это с таким серьёзным видом, что Юань Сяоди был потрясён и долго не мог прийти в себя. Шан Сижуй внимательно разглядывал бывшую звезду сцены. Ему уже было под пятьдесят, лицо потеряло былой блеск, выглядел он устало и измождённо. Из-за давления общества он старался стереть своё прошлое. Хотя он утверждал, что увлекается музыкой, шахматами, каллиграфией и живописью, на самом деле занимался лишь грязными денежными делами. Много лет он копил деньги, пытаясь стать уважаемым купцом, но в итоге получил лишь кучу проблем. Его дом был полон женщин, которые только и делали, что ссорились, пытаясь родить сына. Юань Сяоди был просто пошляком, прикрывающимся маской изысканности! Шан Сижуй не мог понять, что вообще нашла в нём Юй Цин. Разве она ослепла? Кроме того, что он действительно хорошо пел в операх куньцзюй, в нём не было ничего примечательного. Шан Сижуй взглянул на своего Эрье. Это был настоящий гуляка, любивший женщин, золото и удовольствия. Но он хотя бы не притворялся,

не скрывал своих недостатков. Его откровенная порочность делала его милым. Шан Сижуй почувствовал, что у него хороший вкус, и, довольный собой, добавил:

— Юй Цин, одинокая и израненная, наверняка уже не жива.

Юань Сяоди смотрел на Шан Сижую в оцепенении, затем повернулся, и слёзы потекли по его щекам.

Чэн Фэнтай чувствовал себя неловко и слегка утешил его, но, учитывая сложность их отношений, не стал углубляться. Шан Сижуй же с интересом и удивлением наблюдал за плачущим Юань Сяоди, не понимая, насколько унижительно и искренне это было для взрослого мужчины. Чэн Фэнтай поспешно обмотал Шан Сижую шарфом и, взяв его за руку, быстро увёл. Юань Сяоди, погружённый в свои страдания, не стал их удерживать.

Выйдя на улицу, Чэн Фэнтай щёлкнул Шан Сижую по носу:

— Господин Шан, ты настоящий злодей, довёл Юань Сяоди до слёз.

Шан Сижуй выдохнул:

— Он просто смутил меня! Что толку сейчас плакать? Почему раньше ничего не делал?

Затем он радостно добавил:

— Я отомстил за Юй Цин!

Чэн Фэнтай заметил:

— Видимо, Юань Сяоди всё ещё испытывает к ней чувства.

— Тогда почему он не женился на ней?

Чэн Фэнтай начал говорить о сложных обстоятельствах, но Шан Сижуй прервал его:

— Если он не мог на ней жениться, то и говорить не о чем. Юань Сяоди даже не достоин сравнения с Чан Цзысином, у которого есть хоть какая-то ответственность!

Они сели в машину, и Чэн Фэнтай машинально взял руку Шан Сижую, чтобы проверить, не замёрз ли он, и сказал:

— Я ведь тоже могу тебя впустить в свой дом, верно?

Шан Сижуй удивился:

— Почему ты всё время сравниваешь нас с мужчинами и женщинами? Я же не женщина, мне

просто нужно каждый день проводить время с тобой. У них, мужчин и женщин, всё сводится к тому, чтобы построить гнездо и высидеть яйца!

Чэн Фэнтай рассмеялся от этого сравнения и похлопал его по щеке:

— Ты слишком жесток! А ты чьё же яйцо, маленький черепашонок?

Шан Сижуй, словно получив комплимент, радостно закивал.

Начало этого года не предвещало ничего хорошего. И речь не о Юй Цин, её история была личной драмой, и как бы тяжело ей ни было, для других это не имело большого значения. Когда она добралась до Шанхая, устроилась и подружилась с местными знаменитостями, она прислала Шан Сижую письмо и немного сладостей, сообщив, что временно обосновалась в Шанхае и Сучжоу, и пригласила его навестить её, если он будет в тех краях. В письме не было и намёка на печаль, она рассказывала о местных красотах и обычаях, видимо, отвлеклась от переживаний. Однако в Бэйпине настал момент, когда Шан Сижуй, поклонявшийся великому лицедею Хоу Юйкую, узнал, что тот находится на пороге смерти.

Хоу Юйкуй курил опиум полжизни, и когда он заболел, лекарства почти не помогали. Всё началось с того, что он переел тушёной свинины, затем у него начался понос, который постепенно перешёл в серьёзное заболевание. Когда слухи о его болезни дошли до Шан Сижую и других, старик был уже на смертном одре. Ду Ци вместе с дядей Ду Миньунем привёл к нему западного врача. Ду Миньун и Хоу Юйкуй были знакомы ещё со времён Запретного города, и хотя они не были близки, Ду Миньун относился к старому лицедею как к драгоценной реликвии. Врач сделал укол антибиотика, но это не помогло. Ду Ци, вернувшись, с грустью сказал Шан Сижую, что Хоу Юйкуй, видимо, доживает последние дни, он уже не узнаёт людей. Говоря это, он покраснел и явно был глубоко опечален.

<http://bllate.org/book/15435/1368660>